

ЛИСТКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Кто такой былъ Гедиминъ?

Нагляднымъ примѣромъ сильныхъ противорѣчій, которыми наполнены источники литовской исторіи, могутъ служить свидѣтельства о происхожденіи Гедимина. Какъ всѣмъ извѣстно, источники литовской исторіи распадаются по этому вопросу на двѣ противоположныя серіи, колеблются между двумя противоположными показаніями: одни, какъ *Annales Olivienses*, *Dlugosz*, *Miechowita*, *Bielski*, *Kromer*, утверждаютъ, что Гедиминъ былъ конюшимъ великаго князя Витенеса, убилъ своего государя въ заговорѣ съ молодою женою послѣдняго и овладѣлъ престоломъ; другіе-же, какъ *Kronika rękopisna Litewska* *Bychowca*, *Strujkowski*, сообщаютъ, что Гедиминъ былъ сынъ Витенеса и получилъ литовскій престолъ по смерти отца, пораженного громомъ.

Такія противорѣчивыя показанія источниковъ, уничтожающія взаимно другъ друга, невольно заставляли историковъ прибѣгать къ разнаго рода догадкамъ и предположеніямъ, съ помощію которыхъ можно-бы было примирить свидѣтельства источниковъ и этимъ примирительнымъ путемъ дойти до истины. На этомъ поприщѣ Нарбутъ встрѣчается съ г. Соловьевымъ, но только для того, чтобы тотчасъ-же снова разойтись, такъ какъ первый при примиреніи отдалъ предпочтеніе источникамъ, признающимъ Гедимина за сына Витенеса, тогда какъ второй склонился на сторону источниковъ, считавшихъ Гедимина просто конюшимъ. При развитіи своего мнѣнія, Нарбутъ пытается прежде всего ослабить впечатлѣніе, производимое свидѣтельствомъ первой серіи источниковъ, старается подорвать авторитетъ *Annales Olivienses*, древнѣйшаго въ разсматриваемомъ отношеніи источника, послужившаго прототипомъ для всѣхъ лѣтописцевъ. По словамъ Нарбута, Оливскій лѣтописецъ писалъ подъ вліяніемъ нѣмецкаго ордена, сохранялся въ его архивахъ, а потому, въ каче-

ствѣ сторонника нѣмцевъ, естественно склоненъ былъ къ расширенію на счетъ Литвы неблагоприятныхъ басенъ, къ числу которыхъ долженъ быть отнесенъ и рассказъ объ умерщвленіи Витена Гедиминомъ. Но оливскій анналистъ не чуждъ однако и нѣкоторыхъ справедливыхъ показаній, только эти показанія ничуть не противорѣчаютъ свидѣтельствамъ второй серіи источниковъ: анналистъ считаетъ, напр., Гедимина конюшимъ Витена, но Гедиминъ могъ носить это званіе, будучи даже сыномъ великаго князя *). Иллюзію, полученную примирительнымъ путемъ, Нарбутъ подтверждаетъ письмомъ Гедимина къ папѣ Іоанну XXII, заключающимъ между прочимъ фразу: *Ista enim, pater reverende, vobis scripsimus, ut sciatis, quare progenitores nostri in errore infidelitatis et incredulitatis decesserunt*, въ которой выраженіе *progenitores nostri* онъ толкуетъ въ частномъ, личномъ смыслѣ, въ *progenitores* видитъ не болѣе, какъ только предковъ самого Гедимина **).

Однако иллюзія, на которой такъ рѣшительно остановился Нарбутъ, совсѣмъ не удовлетворила г. Соловьева вслѣдствіе нѣкоторыхъ соображеній, вызванныхъ чтеніемъ посланія къ папѣ. Г. Соловьеву справедливо казалось, что выраженіе письма Гедиминова *progenitores nostri* имѣетъ не частный, личный смыслъ, а общій, народный; что Гедиминъ говоритъ тутъ о своихъ отцахъ, предкахъ, не просто отъ себя, а отъ лица всѣхъ литовцевъ. Кромѣ того г. Соловьевъ находилъ въ этомъ-же самомъ письмѣ явное доказательство (извѣстное впрочемъ и Нарбуту) противнаго защищаемому Нарбутомъ мнѣнію въ томъ, что Гедиминъ называетъ Витенеса только своимъ предшественникомъ (*praedecessor*), а не отцемъ и предшественникомъ (*pater et praedecessor*), какъ слѣдовало-бы ожидать, когда бы онъ былъ дѣйствительно сыномъ послѣдняго. Поэтому г. Соловьевъ склонился къ предпочтенію свидѣтельства первой серіи источниковъ, по которому Гедиминъ былъ не сыномъ, а только конюшимъ Витенеса; тѣмъ болѣе, что съ этой точки зрѣнія открывался совершенно новый путь къ примиренію противорѣчія, существовавшего между двумя серіями источниковъ. С. М. Соловьевъ выступилъ на этотъ путь съ помощію обыкновеннаго, но тѣмъ не менѣе не лишенаго значительной доли вѣроятности, соображенія, съ помощію принятія свидѣтельства второй серіи источниковъ за позднѣйшее явленіе, возникшее тогда, когда домъ Гедимина уже утвердился на литовскомъ престолѣ, когда слѣдовательно преданіе о насильственномъ захватѣ княжеской власти могло

*) *Narbutt, Dzieje Narodu Litewskiego, IV, 456.*

**) Тамъ-же, IV, dodatki, p. 51.

колоть глаза Гедимину и его сильнымъ потомкамъ, а потому не доставало повода замѣнить его какимъ-либо другимъ мнѣніемъ, напри- мѣръ мыслью о полученіи власти по наслѣдству *). Заручившись такими небезосновательными соображеніями въ пользу нежняжескаго происхожденія Гедимина, г. Соловьевъ въ текстѣ своей исторіи уже рѣши- тельно говоритъ о перемѣнѣ въ династіи литовскихъ князей, произ- веденной знаменитымъ Гедиминомъ въ 1315 году **). Такимъ обра- зомъ, къ двумъ противорѣчивымъ показаніямъ источниковъ, въ на- стоящее время присоединились въ науку двѣ противорѣчивыя попытки примирить источники, изъ которыхъ ни одна ни въ чемъ не усту- паетъ другой, такъ какъ обѣ совершенно одинаково отвѣчаютъ своей цѣли — примиренію.

Если свидѣтельства о Гедиминѣ могутъ служить нагляднымъ при- мѣромъ тѣхъ страшныхъ противорѣчій, которыми исполнены источ- ники литовской исторіи, то попытки добыть изъ этихъ свидѣтельствъ сколько-нибудь цѣнные научные результаты, попытки, предпринятыя въ своихъ трудахъ двумя почтенными историками, въ свою очередь могутъ служить поучительнымъ примѣромъ того, какъ опасно полага- ться на противорѣчивые источники, представляющіе по самому ха- рактеру своему мало ручательствъ въ достовѣрности, какъ трудно пе- реходить отъ ихъ гадательныхъ намековъ къ опредѣленнымъ науч- нымъ представленіямъ, какъ бесплоденъ вообще примирительный ме- тодъ. Въ похвальномъ стремленіи своемъ избавиться отъ противорѣ- чія, замѣченнаго въ показаніяхъ источниковъ о Гедиминѣ, оба исто- рика, и Нарбутъ и г. Соловьевъ, исходили изъ того положенія, что кото- рое-же-нибудь изъ показаній источниковъ да справедливо: или Геди- мианъ былъ дѣйствительно сыномъ Витена, или же онъ необходимо былъ конюшимъ послѣдняго, котораго и погубилъ въ союзѣ съ его молодой женой. При извѣстномъ состояніи историческаго матеріала изслѣдователямъ дѣйствительно трудно было не опустить изъ виду, что возможно еще третье явленіе, что не только то или другое сви- дѣтельство источниковъ есть сознательная, современная или позднѣй- шая, выдумка, какъ думали Нарбутъ и г. Соловьевъ, но что показа- нія обѣихъ серій источниковъ суть не что иное, какъ бессознатель- ныя догадки, гипотезы, бродившія въ позднѣйшее время въ обществѣ о происхожденіи Гедимина. Это третье мнѣніе о значеніи литовскихъ источниковъ по разсматриваемому вопросу, къ сожалѣнію, и есть са- мое вѣроятное: такое признаніе, очевидно, совсѣмъ лишаетъ истори- ковъ права говорить о происхожденіи Гедимина на основаніи противо-

*) Соловьевъ, Исторія Россіи, изд. 2, III, примѣч. 422.

А. Н.

**) Тамъ-же, III, 306.

А. Н.

рѣчивыхъ показаній литовскихъ источниковъ; но нисколько не препятствуетъ, даже ставитъ въ обязанность искать иного пути къ опредѣленію отношеній Гедимина къ его предшественнику Витену, добиваться болѣе надежныхъ, болѣе современныхъ извѣстій объ этомъ вопросѣ. Къ счастью, есть вполне опредѣленные указанія на отношенія Гедимина къ Витену, притомъ совершенно чуждыя гадательнаго характера, которыми отличаются источники литовской исторіи.

Въ грамотѣ рижскаго совѣта къ Гедимину отъ 24 ноября 1322 года, имѣющей дѣлю побудить послѣдняго къ заключенію мира съ Тевтонскимъ орденомъ не иначе, какъ при участіи архіепископа и города Риги, говорится слѣдующее: *Illustri principi, domino Gedemynde, Dei gratia Lethwinorum Ruthenorumque regi, consules civitatis Rigensis salutem in Domino. Noveritis, nos litteram vestram breviter destinatum recepisse, in qua percepimus, quod pacem et treugas nobiscum contrahere essetis parati, sicut Vithene, bonae memoriae frater vester et antecessor, nobiscum habuit, et quod super eo nuntios nostros ad vos secure mitteremus, sed pro fratribus (Theutonicis) hoc facere non possumus; nam ipsi mittunt nuntios suos ad vos, quando volunt, quod nos facere non poterimus; et quicquid ipsi ordinant, penitus ignoramus, nichil ipsi nobis revelant* *). Было-бы излишне много распространяться о значеніи этого нѣмецкаго извѣстія сравнительно съ показаніями литовскихъ лѣтописцевъ; достаточно замѣтить, что свидѣтельства литовскихъ источниковъ совершенно сказочнаго характера, основаны по всей вѣроятности на какихъ-либо неясныхъ преданіяхъ, если еще не хуже, не на какихъ-либо позднѣйшихъ предположеніяхъ о минувшемъ времени; тогда какъ рижская грамота представляетъ первое собственно историческое свидѣтельство, она есть не что иное, какъ современный Гедимину официальный актъ, который отдѣлялся отъ времени вокняженія Гедимина меньше чѣмъ десяткомъ лѣтъ, которому потому хорошо могли быть извѣстны отношенія Гедимина къ его предшественнику Витену. Поэтому, свидѣтельство рижской грамоты о происхожденіи Гедимина должно быть безусловно предпочтено противорѣчивымъ показаніямъ источниковъ литовскихъ. А изъ этой грамоты оказывается, что почти одинаково заблуждались какъ одна, такъ и другая серія источниковъ, какъ одинъ, такъ и другой толкователь послѣднихъ, какъ Нарбутъ, такъ и г. Соловьевъ: по грамотѣ Гедиминъ является не сыномъ великаго князя Витенеса, равно какъ и не конюшимъ своего предшественника, а напротивъ братомъ и преемникомъ. Самое выраженіе, въ которое вложена эта мысль, настолько опредѣленно и ясно, что

*) Bunge, Liv.—Esth—und Curländisches Urkundenbuch, B. VI, S. 466—467; «Русс. Лив. Акты», № 53. А. Н.

отнодѣ не позволяеть думать о такомъ-же или подобномъ общемъ смыслѣ, каковой придавъ г. Соловьевъ выраженію *progenitores nostri* изъ письма Гедиминова: нельзя произносить однимъ духомъ: *bonae memoriae frater vester et antecessor* и думать при этомъ: вашъ братъ литвинъ *).

Въ нѣсколькихъ словахъ, представляемыхъ рижской грамотой 1322 года, заключается безвозвратное осужденіе илюзіи какъ Нарбута, такъ въ особенности С. М. Соловьева. Какъ ни естественно для историка ожидать перемены въ династіи литовскихъ князей въ соотвѣтствіи новому взмаху, который получила литовская жизнь въ періодъ Гедиминова и его потомковъ, тѣмъ не менѣе переворотъ, который, по словамъ С. М. Соловьева, будто-бы былъ произведенъ въ княжескомъ домѣ знаменитымъ Гедиминомъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи все-таки долженъ быть отнесенъ къ разряду не оправдавшихся догадокъ, которыми такъ богата историческая наука: предполагаемый переворотъ въ династіи оказывается ничѣмъ инымъ, какъ только попыткой изъ противорѣчія въ источникахъ сдѣлать революцію въ дѣйствительной жизни. Раскрываемыя рижской грамотой отношенія Гедиминова къ Витену придаютъ болѣе опредѣленный смыслъ самому письму Гедиминова къ папѣ, въ которомъ Витенъ названъ только предшественникомъ, а не отцемъ и предшественникомъ Гедиминова: будучи только братомъ Витену, Гедиминъ не побуждался никакою особенною *pietas* говорить непременно о своихъ родственныхъ отношеніяхъ къ первому и легко могъ ограничиться указаніемъ на Витена, какъ на своего только предшественника. Такимъ образомъ, съ помощію этого нѣмецкаго свидѣтельства удастся наконецъ заглазить одну изъ прорѣхъ въ династіи литовскихъ князей, ясное представленіе о которыхъ не безынтересно и для полного пониманія княжескихъ отношеній, господствовавшихъ въ древней Руси.

А. И. НИКИТОВІЙ.

*) Замѣтимъ кстати, что выраженіе *progenitores* встрѣчается и въ другихъ, кромѣ приведенной Нарбутомъ, грамотахъ, только въ болѣе опредѣленномъ смыслѣ. Такъ, напр., въ грамотѣ конца 1324 года (Bunge, U. B., VI, 479) говорится: *misit (summus pontifex) reverendos in Christo patres... qui... missi sunt pro expeditione conversionis vestrae, pro qua vos et progenitores vestri multo tempore laborarunt, qui cum magno desiderio cupiunt vos videre, quia missi sunt pro vestra salute et exaltatione vestri regni. Postea quaesivit rex, si scriberemus, quid continebatur in litteris, quas domino apostolico, domino archiepiscopo et toti mundo destinasset. Respondimus, quod intentio litterarum fuit, quod vellet recipere fidem Christi et baptizari. Tunc iste respondebat, quod non jussisset hoc scribere, sed si frater Bartoldus scripsisset, in caput suum redundaret. Sed si unquam habui in proposito, diabolus me haptizaret.* Ср. Narbutt, Drieje Nar. Litew., IV, dodatki, p. 51—52, 1323.

А. Н.

Народное преданіе о Брюсѣ *).

(Изъ воспоминаній моего товарища).

Этотъ разсказъ я слышалъ въ Калужской губерніи, въ Жиздринскомъ уѣздѣ, близъ деревни Тешевичъ, на берегу рѣчки Неруча.

Случилось это при слѣдующихъ обстоятельствахъ: мы съ братомъ приѣхали изъ университета домой на каникулы. Мерзляковъ совѣтовалъ намъ, т.-е., всѣмъ студентамъ, прислушиваться къ народнымъ пѣснямъ и записывать ихъ: „въ нихъ вы услышите много народнаго горя“ — говорилъ благородный профессоръ. Каченовскій убѣждалъ насъ записывать названія разныхъ урочищъ и особенно обращать вниманіе на курганы и городища. Но мы и не думали слѣдовать совѣтамъ и убѣжденіямъ профессоровъ, а захотѣли побродить нѣсколько десятковъ верстъ, такъ, безъ всякой цѣли, куда глаза глядятъ. Такое лѣнивое, праздно шатанье намъ казалось очень поэтическимъ.

Бродя такимъ образомъ, въ полной нѣгѣ юношеской безопасности, разъ мы запоздали далеко отъ всякаго жилья; дѣло ужъ подходило къ осени; почевать на открытомъ воздухѣ, *sub dio*, намъ незахотѣлось. Сообразивъ довольно знакомыя намъ мѣста, мы рѣшились пробраться къ деревнѣ, черезъ большой сосновый боръ. Грунтъ, покрытый иглами, былъ гладкій, какъ мощный полъ; мы иногда скользили по немъ какъ по льду. Этакъ черезъ полчаса ходьбы, мы увидѣли огромное зарево; пламя высоко било вверхъ снопами, и искры огненною, трескучею метелью осыпали лѣсъ. Мы подумали, что это горитъ деревня и бросились туда, гдѣ горѣло. Но это былъ костеръ, разложенный крестьянами, приѣхавшими на ночную, стеречь лошадей. Собственно они ихъ не стерегли, а пускали на волю Божию, сами-жъ тѣшились ночью, краденой ѣдой, всякаго рода балясами и розсказнями. Дѣтей между ними не было, а были все молодые парни, и только одинъ старикъ отставной солдатъ: его звали Безконнымъ, потому что у него не было ни одного коня. Впрочемъ, у него не было и ни коровы, ни овцы, ни собаки: онъ стерегъ чужихъ лошадей.

Мы поздоровались и шутя сказали: „что, вы пустите насъ почевать у вашего костра?“ — Милости просимъ, сказалъ кто-то; „ложитесь; изба просторная: сколько ни-на-есть скотины, вся уляжется“. Всякаго, кто одѣвался по-нѣмецки, у насъ крестьяне считали или бариномъ, или холопомъ. Насъ приняли за холопей, втому-же чужихъ, и поэтому появленіе наше ихъ нисколько не стѣсняло: они попрежнему громко разговаривали, то съ ласковой, то съ сердитой ругней, напоминающей разговоръ героевъ, боговъ и богинь Гомера.

*) Биографическую замѣтку о Брюсѣ см. въ «Русской Старинѣ» 1870 г. 1. 1-я, изд. первое, стр. 7; изд. второе, стр. 394.

Разговоръ шель все о домовыхъ, водяныхъ, лѣшихъ, о барыняхъ, попадьяхъ, — и поповскихъ дочеряхъ, съ убѣдительною, недопусканшею ни малѣйшаго сомнѣнiя, всегда съ грубѣйшею, но ѣдкою насмѣшкой, иногда исполненной глубокою враждою и презрѣнiемъ. Бесѣда иногда прерывалась то тутъ, то тамъ вопросомъ: „гдѣ-жь этотъ дьяволь застрѣлъ? Что-жь этотъ пострѣлъ нейдетъ? Куда этотъ лѣшій провалился?“

Оказалось, что это былъ общiй, картофельный вопросъ: извѣстно, что когда наши крестьяне отправляются въ ночную, то берутъ съ собою только хлѣба, да соли, а остальное продовольствiе у нихъ все краденое. Наши знакомцы послали одного проворнаго малаго красть картофель. Нетерпѣнiе ихъ возрастало каждую минуту; одинъ и тотъ-же вопросъ сталъ повторяться безпрестанно. Наконецъ мокрый поясъ — въ грязи по колѣно, лѣшiй и пострѣлъ явился. Онъ притащилъ цѣлый мѣшокъ картофелю.

— Ай, да молодецъ Митюха! закричали всѣ въ одинъ голосъ. Вотъ паренъ, таеъ паренъ! У кого ты это накопалъ?

— „Извѣстно у кого: у попа“.

— Ну, это ты, братъ, напрасно, сказалъ Безконный, у нашего попа — грѣхъ красть.

— „Вотъ еще что выдумалъ! заговорили другiе: грѣхъ! отчего грѣхъ? У мужика — грѣхъ; а у попа, да у барина, да у цѣловальника и Богъ повелѣлъ!“

— А оттого грѣхъ, отвѣчалъ сердитымъ тономъ Безконный: развѣ ты не знаешь, какова матушка. Добрая, ласковая, привѣтливая, разумница, никого никогда словомъ не обидитъ; приди къ ней мужикъ въ праздникъ, безпремѣнно чарку тебѣ поднесетъ, конецъ пирога дастъ, а когда подѣ обѣдъ поспѣешь, за столъ посадить какъ родного, угоститъ тебя, и другого тебѣ отъ нея слова нѣтъ, а все „батюшка, голубчикъ, сударикъ“. Какъ же не грѣхъ!

Мужики примолкли. — „Ну, теперь дѣлать нечего; не назадъ же нести!“ заговорили нѣкоторые.

— Вѣстимо, не назадъ! подхватили другiе. Митюха, вали въ золу. Да не туда — дьяволь! Въ золу вали; а онъ валитъ прямо въ уголья. Лѣшiй!

— „А нутеа, спросилъ Безконный, скажите сколько тутъ картофелинъ будетъ? А?“

— Цѣлый мѣшокъ! отвѣчалъ одинъ паренъ смѣючись.

— „Мѣшокъ, мѣшокъ! отвѣчалъ, нѣсколько смѣшавшись, Безконный. Этакъ всякая лошадь отвѣтитъ. А ты скажи, какъ слѣдуетъ,

колько, то-есть, будет картофелинъ въ мѣшкѣ? А? Не считавши, скажи. Вотъ оно — что!”

— Да этакого человѣка на всемъ свѣтѣ нѣтъ, дядя Безконный, отвѣчали мужики.

— „Да, теперь, можетъ, и вправду, такого человѣка нѣтъ; теперь человѣкъ сталъ дрянъ; а прежде бывали“.

— Ктожь это такой человѣкъ, дядя Безконный, что безъ счету сосчитать можетъ? Это, должно быть, ужь очень мудреный человѣкъ!

— „Да, не простой, вѣстимо; не нашему брату чета“.

— Да кто-жь, кто?

Дядя Безконный молча взялъ обгорѣлый суекъ и началъ копать нѣмъ угля, какъ будто намѣревался въ огнѣ откопать такого человѣка. Всѣ слушали съ какимъ-то суевѣрнымъ безпокойствомъ.

— „Такой человѣкъ, сказалъ Безконный, понизивъ голосъ, — арихметчикъ“.

— Арихметчикъ?

— „Да, арихметчикъ. Ты вотъ возьми, примѣромъ, насыпь на столъ гороху и спроси его, сколько тутъ, мошь, горошинъ? а онъ только взглянетъ и скажетъ: вотъ сколько, и не обочтется ни одной горошиной. А то спроси его, сколько мошь разъ колесо повернется, когда доѣдешь отсюда, отъ Тешевичъ, до Кіева, онъ тебѣ и это скажетъ. Вотъ онъ каковъ, арихметчикъ-то. Да, что! Онъ только взглянетъ, и скажетъ, сколько есть звѣздъ на небеси!“

— Ктожь былъ, примѣромъ, такой какъ ты сказалъ . . . . .

— „А такой арихметчикъ былъ Брюсъ, министеръ царскій, при батюшкѣ Петрѣ Великомъ. Да мало-ль еще что зналъ этотъ Брюсъ: онъ зналъ всѣ травы этакия тайныя, и камни чудныя, составы разные изъ нихъ дѣлалъ, воду даже живую произвелъ, то-есть, такую воду, что мертваго, совсѣмъ мертваго человѣка живымъ и молодымъ дѣлаетъ“.

— Это ту живую воду, которую змѣй Горнычъ стерегъ?

— „Какой вашъ тутъ змѣй Горнычъ? То въ басняхъ бабы рассказываютъ. А это былъ Брюсъ, министеръ, арихметчикъ при царѣ — государѣ Петрѣ. Онъ-то этакую воду живую и произвелъ . . . . . должно быть, не своею силою произвелъ!“

— А что-жь, дядюшка Безконный, онъ пробовалъ надъ кѣмъ-нибудь эту воду?

— „Гм! пробовалъ? Да пробы-то этакой никто отвѣдать не хотѣлъ; вѣдь тутъ надо было сперва человѣка живого разрубить на части; а всякій думалъ:“ ну какъ онъ разрубить-то разрубить, а сложить, да жизнь дать опять не сдумаетъ? „Ужъ сколько онъ тамъ ни обѣщалъ сребра и золота, никто не взялъ, всѣ боялись“.

— А онъ бы самъ надъ собою попробоваль.

— „Да такъ и было: онъ надъ собою попробоваль“.

— Попробоваль? и опять живъ сталъ? Ахъ, окаянный!

— „Погоди, не спиши и не ругайся. Окаянный онъ былъ, или нѣтъ, про это одинъ Господь вѣдаетъ. Только вотъ что было: думалъ онъ, думалъ, и очень грустенъ сталъ, не ѣсть, не пьеть, не спать; чтожь это, говорить, я воду этакую чудную произвелъ, и всякъ ею попользоваться боится. Я-жь имъ, дуракамъ, покажу что тутъ бояться нечего.“

„И призвалъ онъ къ себѣ своего слугу вѣрнаго, турецкаго раба плѣннаго, и говоритъ: „слуга мой вѣрный, рабъ безсловесный, сослужи ты мнѣ важную службу; я тебя награжу по заслугѣ твоей. Возьми ты вотъ мой мечъ острый и пойдемъ со мной въ зеленый садъ; разруби ты меня этимъ мечемъ острымъ, сперва вдоль, а потомъ впоперекъ; положи ты меня на землю, зарой навозомъ и поливай вотъ изъ этой скляночки три дня и три ночи сряду, а на четвертый день откопай меня: увидишь, что будетъ. Да, смотри, никому объ этомъ ничего не говори“.

„Пошли они въ садъ; рабъ турецкій все сдѣлалъ, какъ ему было велѣно.“

„Вотъ проходитъ день, проходитъ другой; рабъ поливаетъ Брюса живою водой; вотъ наступаетъ и третій день; воды ужъ немного осталось. Страшно отчего-то стало рабу; а онъ все поливаетъ.“

„Только понадобится для чего-то государю-царю министеръ Брюсъ. Позвать его. Ищутъ, бѣгають, ѣздять, спрашиваютъ, гдѣ Брюсъ, гдѣ Брюсъ—царь требуетъ. Никто не знаетъ, гдѣ онъ. Царь приѣзжаетъ за нимъ самъ прямо въ домъ его; спрашиваетъ холопей, гдѣ баринъ? Никто не знаетъ.“

— Позовите, говорить, ко мнѣ раба турецкаго: онъ долженъ знать.

Позвали.

— Гдѣ баринъ твой, мой вѣрный министеръ, грозно спрашиваетъ царь. Говори, а не то сію минуту голову тебѣ снесу.

Рабъ затрясся, заметался, бухъ царю въ ноги. „Такъ и такъ“. И повелъ онъ царя въ садъ и раскопалъ навозъ. Глядятъ: тѣло Брюсово ужъ совсѣмъ срослось и ранъ не видно; онъ раскинулъ руки, какъ сонный, ужъ дышетъ, и румянецъ играетъ въ лицѣ.

„Это нечистое дѣло“, сказалъ гнѣвно царь, велѣлъ снова разрубить Брюса и закопать въ землю.

„Вотъ онъ каковъ былъ Брюсъ-то!“ *). Сообщ. М. В. Чистяковъ.

*) Напечатанное нами преданіе «о колдунѣ Брюсѣ» мы слышали также и изъ другихъ источниковъ. Такъ, напр., намъ рассказывала Вѣра Ивановна Опо-

Кохъ — дипломатъ русскаго двора въ XVIII столѣтнн.

Въ интересной статьѣ П. К. Щербальскаго: „Екатерина II, какъ писательница“, напечатанной въ журналѣ „Заря“, 1870 года, въ книгѣ 3-й, за мартъ, говорится о брошюрѣ: „Примѣчанн и историческія объясненн, на объявленн его величества, короля шведскаго, изданное въ Гельсингфорсѣ, въ 21-й день іюля 1788 года, съ приложеннми“. П. К. Щербальскій, дѣлая выписку изъ записокъ Храповицкаго, содержанн чиселъ 1-го и 9-го августа и 20-го сентября 1788 года, излагающую, что „она (императрица) послала за мной, чтобы, для извѣстнаго возраженн, сыскать Коха и подать объ шведскія ноты“, замѣчаетъ: „кто былъ этотъ Кохъ? — мнѣ неизвѣстно; но кажется, что на него было возложено перевести на французскій языкъ и декларацію и возраженн на нее, которое начала писать сама Екатерина“; далѣе авторъ продолжаетъ: „работа Коха оказалось неудовлетворительной; императрица начала было поправлять ее, а наконецъ и вовсе передѣлала“

Въ виду разъясненн вопроса о личности Коха, считаемъ нужнымъ замѣтить: въ „Mémoires secrets sur la Russie“, въ парижскомъ изданн, 1859 года, въ отдѣлѣ „Appendice“, стр. 425-я, находится замѣтка, которую мы перевели съ возможною точностью и которая, по нашему мнѣнн, разрѣшаетъ вопросъ: кто былъ Кохъ? Вотъ она:

„Главный редакторъ (французскаго торговаго трактата) былъ со стороны Россіи статскій совѣтникъ Кохъ, — одинъ изъ ученѣйшихъ публицистовъ санктпетербургскаго кабинета. Онъ съ отличіемъ прошелъ всѣ дипломатическія степени и ему давались различныя важныя порученн. Онъ часто призывался къ императрицѣ, для обсужденн политическихъ вопросовъ. Прежде нежели Зубовъ, Марковъ и Альтести исключительно завладѣли иностранными дѣлами и прежде нежели революціа отдалила отъ нихъ французовъ, вліяніе Коха оказывалось на многихъ рѣшеннхъ. Онъ былъ родомъ изъ Страсбурга; газеты часто упоминаютъ о его братѣ, игравшемъ важную роль въ законодательномъ собранн, и который извѣстенъ какъ человекъ ученый и философъ. Петербургскій Кохъ уволенъ отъ долж-

чнина, что еще въ концѣ 1830-хъ годовъ въ Жиздринскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, въ селѣ Чернышинѣ, нѣкогда принадлежавшемъ Брюсу, и черезъ Мусяна-Пушкина, перешедшее, продажей, въ родъ Скобелевыхъ, жилъ столѣтній камердинеръ прежнихъ владѣльцевъ имѣнн. Мѣстные жители, передавая другъ другу легенду о живой водѣ, выдуманной Брюсомъ и о его пробахъ надъ самимъ собой, указывали на старика-камердинера, какъ на того именно человека, который вспрыскивалъ изрубленнаго имъ же Брюса. Село Чернышино принадлежатъ нынѣ княгинѣ Н. Д. Бѣлосельской-Бѣлозерской, рожденной Скобелевой.

Ред.

ности, занимаемой имъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и можетъ быть обязанъ своимъ существованіемъ лишь преслѣдованію, которому подвергся профессоръ во время террора. Странное дѣйствіе несчастья одного брата на удачу другого! Императоръ Павелъ, при восшествіи на престолъ, оказалъ ему знаки своего неблаговоленія; но почувствовавъ въ послѣдствіи недостатокъ въ опытномъ и знакомомъ съ германскими дѣлами посредникѣ, возвелъ его въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и сдѣлалъ кавалеромъ своего ордена (т. е. вѣроятно Мальтійскаго), чтобы отправить его на имперскій сеймъ. Кохъ умеръ скоропостижно, готовясь къ отъѣзду въ Регенбургъ“.

Независимо отъ этой выписки, сдѣланной изъ „Mémoires secrets“, мы находимъ „въ спискѣ состоящимъ въ гражданской службѣ чинамъ первыхъ пяти классовъ, на 1798 годъ“, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Коха. Въ отгѣткахъ „списка“ значится противъ его фамиліи, 1-е) что онъ состоитъ въ вѣдомствѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и 2-е) что онъ находится въ этомъ чинѣ съ 1794 года. Надо полагать, что авторъ „Mémoires secrets“ ошибается, говоря, что императоръ Павелъ повысилъ Коха въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, тогда какъ по „списку“ онъ его уже имѣлъ въ 1794 году, слѣдовательно, когда еще царствовала императрица Екатерина.

О другомъ братѣ той же фамиліи, намъ извѣстно слѣдующее:

„Кохъ (Koch, Christophe-Guillaume de) историкъ и французскій публицистъ, род. въ Бувилье (Bouxwiller), въ Эльзасѣ, умеръ въ 1813 году, слушалъ право въ протестантскомъ страсбургскомъ университетѣ; въ 1766 г. назначенъ бібліотекаремъ въ этотъ городъ, въ 1780-мъ профессоромъ публичнаго права, въ 1791-мъ депутатомъ въ законодательное собраніе, гдѣ онъ возсталъ противъ излишествъ революціонеровъ; выдержалъ заключеніе въ тюрьмѣ, послѣ 10 августа, — дня его несчастья и противъ происшествій котораго онъ возставалъ; 9 термидора получилъ свободу и въ 1795 году опять получилъ кафедру профессора въ Страсбургѣ. Назначенный членомъ Трибунала въ 1802 г., онъ въ 1808 г. получилъ отставку съ пенсіей въ 3 т. франковъ, а въ 1810 году получилъ дипломъ почетнаго ректора страсбургской академіи. Главнѣйшія его сочиненія слѣдующія: *Tableau des révolutions de l'Europe, depuis le bouleversement de l'empire romain jusqu'à nos jours*“. 1813—1814. Paris, 4 vol, in 8°; „*Tables générales des maisons souveraines de l'Europe*“. 1782, in 4°. „*Sanctio-pragmatica Germanorum illustrata*“. 1789. „*Histoire abrégée des traités de paix depuis la paix de Vestphalie, jusqu'à nos jours*“. Bâle 1802, 2. vol. in 8°. Кохъ — историкъ безпристрастный, разсудительный и ученый. Всѣ его сочиненія полезны и составлены съ большимъ знаніемъ и

ясность. Его сочинение „Tableau des révolutions de l'Europe“, изданное въ 1807 году, въ 3-хъ частяхъ, послужило важнѣйшимъ руководствомъ для уясненія исторіи среднихъ вѣковъ. Въ этомъ сочиненіи онъ, въ узкой рамкѣ, сумѣлъ заключить оживленное повѣствованіе всѣхъ важныхъ происшествій новой исторіи *).

Гор. Болховъ, Орловской губерніи.

Н. Варышкинъ.

О МѢСТѢ ДЛЯ ПАМЯТНИКА

А. С. ПУШКИНУ.

(письмо въ редакцію «Русской Старины»).

Въ приглашеніи отъ имени комитета для сооруженія памятника Пушкину, помѣщенномъ въ III-мъ томѣ „Русской Старины“, стр. 649, между прочимъ, говорится, что памятникъ предполагается, съ высочайшаго разрѣшенія, поставить въ Москвѣ, но „что касается до выбора въ Москвѣ самаго мѣста, гдѣ поставить памятникъ, то желательно, чтобъ вопросъ о томъ подвергся гласному обсужденію въ нашей печати“. По нашему мнѣнію, тѣмъ болѣе желательно было бы подвергнуть гласному обсужденію въ печати, въ какомъ именно городѣ слѣдовало бы поставить памятникъ Пушкину. Въ пользу постановки памятника въ Москвѣ „приглашеніе“ приводитъ слѣдующіе доводы: во 1) что будто бы тамъ, въ Москвѣ, мѣстѣ рожденія Пушкина, гдѣ этотъ памятникъ получитъ вполне національное значеніе, по выраженію самого поэта, „къ нему незаростетъ народная тропа“.

Пушкинъ въ извѣстномъ своемъ стихотвореніи „Я памятникъ себѣ воздвигъ...“ вовсе не имѣлъ въ виду одной только Москвы, да и не могъ имѣть, потому что онъ говоритъ о памятникѣ нерукотворномъ, т.е. о своихъ литературныхъ произведеніяхъ, рассчитывая на поклоненіе этому памятнику не только одной Москвы, или не только одной чистой, Святой-Московской-Руси, но и всѣхъ инородныхъ племенъ, которыя, подъ общимъ кровомъ Россіи и просвѣщенія, сольются въ одинъ народъ: „Слухъ обо мнѣ—говоритъ Пушкинъ въ томъ же стихотвореніи—пройдетъ по всей Руси великой...“

И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:

И гордый внукъ Славянъ, и Финнъ, и имнѣ дикой

Тунгузъ, и другъ степей Калмыкъ.“

А вопросъ, кому болѣе принадлежитъ и предстоить въ будущемъ честь объединенія „великой Руси“ съ ея инородцами однимъ общимъ строемъ цивилизаціи: московскому ли періоду нашей исторіи или пе-

*) Сморг. Dictionnaire général de biographie et d'histoire par Ch. Dezobry et Th. Bachez, 1866. Н. В.